

Жерлицына Н.А.

Заместитель директора Института Африки РАН, доктор исторических наук, автор более чем 120 работ, в том числе глав в монографиях и статей «Идеологические основы французской колониальной политики в странах Магриба в XVIII – первой половине XX вв.», «Counter-terrorism policies in North Africa: Morocco's approach», «Эволюция «Аль-Каиды»: в поисках баланса между региональными конфликтами и глобалистской перспективой» (в соавт.), «Трансграничная миграция в условиях интенсификации военно-политических конфликтов: на примере стран Сахеля и Центральной Африки» (в соавт.), «The Security Crisis in Burkina Faso», «Ситуация в Ливии и интересы России» (в соавт.), «Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко», «Африка: неоплаченный долг колонизаторов» (в соавт.).

КОЛОНИАЛИЗМ НОВОГО ТИПА: ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ ГРАНИЦ В АФРИКЕ КАК ПОПЫТКА ДОМИНИРОВАНИЯ СТРАН ЗАПАДА

Невозможно объяснить, почему после обретения независимости стремление Африки к свободе и ожидаемому процветанию не осуществилось, если не исследовать колониализм, его социальную и интеллектуальную основу, его устойчивые, а также меняющиеся аспекты и порожденные им долговременные трагические осложнения. Классический колониализм в Африке начался в XIX веке. Подобно колонизации Америки и атлантической работорговле, это было системное насилие – организованное, непрерывное, методичное и преднамеренное. Оно было неотъемлемой частью колониализма, как и расизм. Колониализм основывается на эпистемологических и онтологических предубеждениях, которые способствуют утверждению западной гегемонии и превосходства,

одновременно обесценивая, маргинализируя и подрывая знания, опыт и права колонизированных народов.

Дискуссия о колониализме в Африке затихла на несколько десятилетий после того, как большинство африканских стран обрели независимость. Африканцы верили, что европейцы ушли навсегда, следовательно, жители континента могут беспрепятственно двигаться вперед, наслаждаться свободой и процветанием, которые, как они думали, скоро наступят. Но эйфория и растущие ожидания вскоре сменились разочарованием и отчаянием, потому что колониализм оставил после себя прочное наследие – включая не только политическое и экономическое, но и культурное, интеллектуальное и социальное, – которое поддерживало европейское господство. После обретения независимости ущербное колониальное государство превратилось в неоколониальную машину, которая не только угнетала народ, но и работала в интересах бывших колониальных держав и их союзников.

Современный колониализм нового типа возрождает старую систему колониальной эксплуатации и угнетения, которая маскируется под более пикантный эвфемизм глобализации. Старые и грубые формы колониального правления сменяются более тонкой и изощренной, и в то же время более интенсивной и экспансивной формой: консолидацией капитализма, либеральной демократии и западной культуры в единую и глобализованную силу для экономического, политического и культурного господства. Идеология и ценности глобализации подразумевают взаимосвязанный и взаимозависимый мир с общим набором международных законов, рынков и монетарных стандартов, сформулированных и регулируемых так называемыми «нейтральными институтами», такими как Международный валютный фонд и Всемирный банк или Европейский Союз. В качестве идеологии колониализма нового типа выступает неолиберализм,

подразумевающий глобальную экономическую интеграцию, устранение ограничений на движение капитала и гибкие миграционные законы.

Под эгидой неолиберализма миграция стала третьим столпом глобализации наряду с торговлей и финансами. В 1990-х гг., когда глобализация уже приобрела черты очевидной экономической реальности, сторонники либерального пути развития выдвинули гипотезу о том, что рост незаконной или нерегулируемой миграции является одним из многих симптомов снижения государственного суверенитета. Они размышляли о том, как скоро возникнет всеобщий режим, при котором международные соглашения и конвенции, а также права, приобретенные самими мигрантами, постепенно заменят государства в контроле за иммиграцией¹. Доказывая, что мигранты, находящиеся на нелегальном положении, должны пользоваться рядом неотъемлемых прав, правозащитники в принимающих странах на Западе начали защищать эту растущую категорию. Два десятилетия спустя разочарование, похоже, взяло верх. И сегодня лидеры ЕС навязывают на Африканском континенте новые формы колониализма в форме военизированного пограничного контроля. Дипломаты ЕС и стран Союза неоднократно заявляли, что граница Европы проходит не в Средиземноморье, а, например, в Судане и Нигере, что подразумевает, что европейский территориальный контроль над Африкой на самом деле никогда не заканчивался.

Причина такого возобновления взаимодействия Европы с африканской территорией – а не только политического и экономического доминирования – во многом объясняется одним фактором: желанием контролировать миграцию. Рост числа беженцев, стремящихся попасть в Европу, особенно после войны в Сирии, выдвинул миграцию на первое место в политической повестке дня, высвободив значительные ресурсы для

---

¹ Menz G. Neo-Liberalism, Privatization and the Outsourcing of Migration Management: A Five-Country Comparison // *Competition and Change*. № 15 (2). 2011. P. 116—135.

пограничного контроля. С 2005 года финансирование Европейского агентства береговой охраны и пограничного контроля Frontex выросло на невероятные 5233% - с 6 миллионов евро до 320 миллионов евро в 2018 году². ЕС поставил контроль за миграцией в центр своей международной политики и своих отношений с третьими странами, настаивая на заключении соглашений о пограничном контроле с более чем 35 странами для контроля над миграцией, обозначенном в терминах Комиссии как «экстернализация границ». Эти соглашения требуют, чтобы подписавшие их страны принимали депортированных мигрантов из Европы, ужесточали пограничный контроль и количество персонала на границах, вводили новые системы биометрической идентификации и паспортов для контроля за мигрантами, а также строили лагеря для задержанных беженцев.

В ЕС объясняют, что экстернализация, якобы, предотвратит гибель беженцев, но настоящей целью стран Европы является стремление остановить беженцев задолго до того, как они доберутся до европейских берегов. Устранение трансграничной динамики в так называемом «расширенном Средиземноморье» стало важнейшей задачей для безопасности Европейского союза, и Ливия и страны Сахеля, такие как Нигер, Чад, Мали и Буркина-Фасо, занимают важное место в этой общей стратегии. В глобальной стратегии безопасности ЕС «Общее видение, единый подход: сильная Европа», представленной на саммите этой организации в июне 2016 г., была выражена решимость усилить охрану границ и безопасности на море³. 3 февраля 2017 г. на Мальте главы государств и правительств ЕС приняли так называемую Мальтийскую

---

² Buxton N., Akkerman M. The Rise of Border Imperialism. Roar Magazine. <https://roarmag.org/magazine/border-imperialism-europe-africa/>

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016. 53 p.

декларацию, в которой они подтвердили свою готовность поддержать данную политику и согласовали комплекс мер по пресечению потока нелегальных мигрантов из Ливии в ЕС через Италию⁴.

Действуя на основе декларации ЕС и двустороннего италяно-ливийского меморандума о взаимопонимании от 2 февраля 2017 г., Италия предприняла значительные усилия для укрепления способности Ливии контролировать свою южную границу, руководствуясь убеждением, выраженным министром внутренних дел М. Миннити, что «перекрытие южной границы Ливии означает перекрытие южной границы Европы»⁵. Италия оказывала помощь в строительстве инфраструктуры пограничного контроля в южной части Ливии. Еще одна сфера, в которой Италия проявила заинтересованность, – создание так называемых «временных лагерей», центров содержания под стражей задержанных незаконных мигрантов. Обе стороны согласились улучшить уже существующие 34 таких центра, находящиеся под исключительным контролем ливийского министерства внутренних дел. В этих лагерях нелегальные мигранты временно содержатся в ожидании добровольной или принудительной репатриации в страны их происхождения. Чтобы сделать это возможным Италия и Ливия убеждают африканские государства согласиться на возвращение своих граждан и содействовать заключению договоров о реадмиссии. Улучшать инфраструктуру и финансировать эти лагеря предполагалось за счет средств как Италии, так и ЕС. В соответствии с меморандумом ливийская береговая охрана имеет право перехватывать суда, направляющиеся в Италию, и

---

⁴ ЕС (European Council). Malta Declaration by the Members of the European Council on the External Aspects of Migration: Addressing the Central Mediterranean Route. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/02/03/malta-declaration/>.

⁵ Libia, le tribù del Sud siglano la pace e si impegnano a bloccare i migranti La Stampa, 2 April 2017.

возвращать всех пассажиров в зоны высадки в Ливии, где задержанные мигранты содержатся в лагерях, поддерживаемых ЕС. Длительное содержание под стражей является обычным решением в Ливии, и на развитие инфраструктуры содержания мигрантов под стражей в Ливии была направлена крупная финансовая поддержка ЕС.

Идея о том, чтобы западное государство или их группа содействовали содержанию беженцев и мигрантов в приграничной стране, не является новаторской, она уже была использована в декларации ЕС – Турция от 18 марта 2016 г. Реализация данного плана вызвала неоднозначную реакцию общественности и критику специалистов. Ливийский случай отличается от турецкого несколькими отягчающими обстоятельствами. Прежде всего, Ливия находится в разгаре гражданской войны, и она все еще далека от стабильного и эффективного управления. Это не относится к Турции, где, хотя и было объявлено чрезвычайное положение, правительство полностью контролирует всю национальную территорию. Во-вторых, Ливия является транзитной страной для так называемых смешанных потоков, состоящих из экономических мигрантов и лиц, нуждающихся в международной защите. На практике в ситуации отсутствия государственной власти в Фецане «временные лагеря» часто не контролируются государственными властями и к ним практически невозможно получить доступ. ЕС и Италия имеют договоренности только с Правительством национального согласия – одним из субъектов гражданской войны в Ливии. Второй актер – правительство в Тобруке, контролирующее значительную часть территории страны, не подписывало никаких соглашений с ЕС и правительством Италии и, следовательно, не участвует в реализации этих соглашений.

ЕС рассматривает военное вмешательство на новых региональных театрах военных действий как основной способ решения проблем безопасности, таких как миграция. ЕС является крупнейшим донором многонациональных вооруженных сил Сахеля, известных как «G5», в

состав которых входят войска из Нигера, Чада, Мавритании, Мали и Буркина-Фасо. В рамках данной политики, Италия направила три полицейских подразделения для поддержки ливийского пограничного контроля, правоохранных органов и уголовного правосудия. ЕС рассматривает Нигер как страну происхождения большинства мигрантов, прибывающих в Италию через Ливию, поэтому этой стране уделяется особое внимание в стратегии союза. Финансовый вклад ЕС в миссию в Нигере за период 2017 – 2020 гг. составил примерно €1 млрд⁶. Там были развернуты несколько военных миссий: Франция направила 500 военнослужащих на свою базу в г. Ниамее, открыла дополнительные базы в гг. Мадаме и Агуэлале; 50 немецких солдат также размещены в Ниамее. В 2018 г. Италия начала развертывание своего контингента в Нигере. 470 военнослужащих входили в состав разведывательных и командно-контрольных групп, инструкторов, медицинского персонала, инженеров для оказания помощи в инфраструктурных работах, подразделения по борьбе с химическими, биологическими и радиологическими угрозами и подразделения для сбора информации, наблюдения и разведки⁷.

Вышеописанные меры позволили ЕС эффективно сократить несанкционированный въезд в Европу. Но, парадоксальным образом, незаконная миграция по центрально-средиземноморскому маршруту сегодня более смертоносна, чем когда-либо прежде. Согласно докладу о состоянии мировой миграции в 2018 г., Средиземное море является самой смертоносной границей на земле⁸. Многочисленные жертвы вдоль этой морской границы тесно связаны с ограничительной миграционной

---

⁶ Lebovich A. The real Reason UN Troops are in Niger // Foreign Policy. 27 October 2017.

⁷ La Camera approva la missione in Niger: 470 uomini contro il traffico di esseri umani // La Repubblica. 17 January 2018.

⁸ McAuliffe M., Ruhs M. World Migration Report 2018. International Organization for Migration (IOM) Report. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf.

политикой ЕС и всеобъемлющими мерами, направленными на сдерживание нелегальной миграции. Управление границами ЕС во все большей степени осуществляется за пределами юрисдикции государств-членов ЕС, в приграничных зонах и в соседних с ЕС странах. Это делается посредством более или менее формализованных экстерриториальных соглашений между ЕС и третьими странами. Расширяющиеся сети межправительственных действий по предоставлению убежища и миграции препятствуют как выезду, так и въезду мигрантов, не имеющих документов. Пограничный контроль ЕС во все большей степени осуществляется в транзитных или отправляющих странах, не входящих в ЕС, посредством политики пресечения миграции или задержания мигрантов. Такие меры направлены на то, чтобы помешать нелегальным мигрантам попасть в ЕС, где они могли бы получить разрешение на получение убежища. Они также направлены на то, чтобы удержать потенциальных мигрантов от поездок в ЕС вообще. Традиционное наблюдение за внешними границами все больше дополняется предварительным пограничным контролем в стране, не входящей в ЕС, перед границами принимающих стран, вдоль миграционных маршрутов в международных водах или на территориях стран транзита и отправки. Перехваченных нелегальных мигрантов обычно реадмиссируют в третьи страны и задерживают в них. Это означает, что меры, принимаемые в рамках суверенных полномочий одного государства для обеспечения соблюдения его собственной миграционной политики, осуществляются и оказывают воздействие на территории, отличные от его собственной. Это также означает, что нет прямой связи между физической территорией государства и лицами, чьи права затрагиваются. Экстернализация управления границами в ЕС, как правило, влечет за собой передачу этих

функций на аутсорсинг или субподряд соседним странам⁹. Неавторизованные агенты участвуют в управлении миграцией, а также в таких деликатных вопросах, как решение о тюремном заключении незаконных мигрантов. Таким образом, задержанные лица без гражданства оказываются полностью бесправными и зачастую во власти лиц, не имеющих официальных полномочий. Мигранты, которые отправляются из Ливии с целью добраться до Европы, при перехвате ливийской береговой охраной, как правило, лишаются доступа к стандартным процедурам предоставления убежища и возможности обратиться к властям европейских государств, которые осуществляют свои полномочия через местных агентов в третьей стране. Одновременно уменьшаются шансы мигрантов повлиять на решение европейской страны. Они не могут эффективно подавать свои ходатайства о предоставлении убежища и не могут оспаривать способы рассмотрения или игнорирования их дел. Незаконные мигранты абсолютно уязвимы для осуществления над ними произвольной, неконтролируемой власти из-за их статуса.

Существует очевидная причинно-следственная связь между такой миграционной политикой ЕС и многими человеческими жертвами среди незаконных мигрантов, пересекающих Средиземное море. ЕС закрыл легальные пути въезда, что заставило мигрантов совершать рискованные нелегальные поездки и полагаться на торговцев людьми и контрабандистов для перемещения. ЕС принял меры по блокированию оставшихся нелегальных путей въезда и задержанию тех, кто смог прорваться через усиленно охраняемые границы. В случае Ливии как жертвы на море, так и насилие в лагерях содержания под стражей были предсказуемым ущербом, которого при принятии надлежащих мер можно было избежать. Как указано

---

⁹ Kim S. Non-Refoulement and Extraterritorial Jurisdiction: State Sovereignty and Migration Controls at Sea in the European Context. *Leiden Journal of International Law*. № 30 (1). 2017. P. 49–70.

в докладе Миссии ООН в Ливии и Управления Верховного комиссара ООН по правам человека за 2019 г., условия содержания в таких центрах «в целом бесчеловечны и далеко не соответствуют международным стандартам в области прав человека»¹⁰. Они характеризуются сильной переполненностью, недостаточной вентиляцией и плохой гигиеной. Мигранты там постоянно страдают от недоедания и имеют ограниченный доступ к медицинской помощи или вообще не имеют его. Как правило, они подвергаются пыткам и другим видам жестокого обращения со стороны охранников, главным образом для того, чтобы вымогать деньги у их родственников за освобождение. Женщины часто становятся жертвами изнасилования или других форм сексуального насилия. Вмешательство ЕС фактически привело к возрождению работорговли в Африке: беженцев продавали в качестве рабов.

Таким образом, сегодня страны Европы, благодаря своему благосостоянию и влиянию, способны почти герметично закрывать свои внешние границы с помощью огромных инвестиций в сложные системы контроля и соглашения со странами транзита, которые защищают их интересы в недопущении нежелательных мигрантов. Эта способность оказывает значительное влияние на положение и без того незащищенных и бесправных людей из бедных стран.

Когда группы богатых стран, таких как государства - члены ЕС, объединяются, чтобы подавить несанкционированную иммиграцию в свою юрисдикцию, и достигают согласия, чтобы сделать это эффективно, обездоленные соседние страны, как правило, вынуждены принимать большое количество нелегалов, которым запрещен въезд в ЕС и которым

---

¹⁰ UNOHCHR and UNSMIL 2019. Detained and Dehumanised: Report on Human Rights Abuses against Migrants in Libya. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/LY/DetainedAndDehumanised_en.pdf

«больше некуда идти». То есть меры, принимаемые ЕС для обеспечения соблюдения своей собственной миграционной политики, осуществляются и оказывают влияние на территории, отличные от их собственной. В то время как укрепление внешних границ Шенгенского региона является ключевой целью внутренней миграционной политики ЕС, сотрудничество с третьими странами в области миграционного контроля за последнее десятилетие стало ключевой чертой его внешней миграционной политики. В тесном сотрудничестве с третьими странами ЕС удалось обуздать отток мигрантов из стран транзита и отправки.

Но действия Европейского союза вызывают сомнения в их соответствии международному праву и им самим декларируемых принципов защиты прав человека. Парадоксально, но страны, которые лидировали в разработке и распространении стандартов и процедур, защищающих права человека, когда дело коснулось собственных интересов, сделали все, чтобы лица, ищущие убежища, не смогли ступить на их территорию. Мигрантам фактически не позволяют появляться на пороге ЕС, что, по-видимому, освобождает государства члены ЕС от обязательств в области прав человека, которые они приняли на себя. Деятельность института экстерриториального управления миграцией, практикуемую в отношении центрально-средиземноморского маршрута, вряд ли можно оправдать сокращением числа мигрантов, прибывающих из Ливии, ведь оно было достигнуто ценой нарушения прав человека.

Такие меры пограничного контроля являются формой нового колониализма, поскольку они включают перемещение населения, криминализацию, расовую иерархию и эксплуатацию людей. Границы – это стены, призванные блокировать огромное неравенство между Африкой и Европой, построенное во времена колониализма и увековеченное европейской экономической и политической политикой сегодня.